

Глава 32: Незачем Уклоняться

«Мэн Сюэли и Сяо Тинъюнь прибыли в город Ханьмэнь».

«Они зашли в «Хэнтон Цзюйюань», были приглашены наверх и, вероятно, сейчас встречаются с Цянь Юйчжи».

«Содержание их разговора неизвестно. Цянь Юйчжи проводил их, и Сяо Тинъюнь держал в руках нефритовую коробку длиной около трёх чи. Её содержимое остаётся загадкой».

«...»

Это был первый раз за три года, когда Мэн Сюэли покинул Хань Шань. Хотя его путешествие не было ни показушным, ни слишком скрытным, оно, естественно, привлекло внимание тех, кто держал ухо востро.

Город Ханьмэнь действительно был безопасным местом, но его шумные улицы кишели внимательными взглядами, а его связи с Сектой Меча Хань Шань были глубоко укоренены.

Мэн Сюэли и Цзи Сяо были искусны в ощущении угрожающего присутствия сильных личностей, но они не подозревали о низкоуровневых шпионах, прячущихся в толпе. Эти шпионы, прошедшие суровую подготовку, наблюдали, не привлекая внимания, и тщательно держали дистанцию.

С тех пор как эта пара спустилась с горы, бесчисленные сообщения тихо разлетелись – из города Ханьмэнь в тыл Хань Шань, и в конце концов достигли глубин уединенной долины.

Долина называлась Цзинсы. Она была покрыта белым снегом и хранила абсолютную тишину.

Даже самые тихие горные места обычно наполнены шорохом лесных волн, журчанием ручьев, щебетом насекомых и птиц. Но здесь не было ничего – никаких признаков жизни, никакого движения. Как будто всё в долине застыло во времени. Она поистине оправдывала свою репутацию самого безмятежного места в Хань Шань.

В год, когда Цзи Сяо достиг святости как Меч-Владыка, массивные валуны обрушились со скал, обрамлявших вход в долину, почти полностью перекрыв проход во внешний мир. Осталась лишь узкая, удлиненная тропа — едва широкая, чтобы один человек мог пройти за раз.

Проходя по этому проходу, можно было увидеть лишь тонкую полоску неба над головой, раздробленную, как осколки стекла. Было трудно не ощутить ползучего страха, боясь, что огромные камни могут внезапно рухнуть, навсегда похоронив путника в глубинах долины.

Когда восхождение Цзи Сяо озарило небо над Хань Шань, Верховный Старейшина навсегда поселился в Долине Цзинсы, начав длительный период уединённого затворничества. Он никогда не покидал долину, лишь изредка отправляя своего главного ученика Чжоу И передавать сообщения или вызывая Главу Секты Чжэньжэня и мастеров пиков для наставлений.

Используя божественные силы, он создал узкую «Тропу Небесного Горизонта», чтобы она служила постоянным напоминанием для младшего поколения секты: Цзи Сяо был подобен массивным камням, зависшим над их головами — их жизни постоянно подвергались риску. Они должны оставаться всегда бдительными.

Хотя Глава Секты Чжэньжэнь стремился к единству и стабильности в Хань Шань, раскол между фракцией Верховного Старейшины и Цзи Сяо был непримиримым. Если бы только время не могло пойти вспять, отменяя прошлые ошибки — если бы Ху Сы в тот год не проклял и не ушёл — обиду никогда нельзя было бы стереть.

В Долине Цзинсы, среди заснеженных пейзажей, не было чёрно-белых строений, типичных для Хань Шань. Каждое здание и павильон было полностью выкрашено в киноварь. Издалека они напоминали выцветшие красные отметины на белом холсте.

Причина была в том, что хозяин долины, доживший до преклонных лет, ненавидел сочетание чёрного и белого.

Такая цветовая пара напоминала ему о похоронах.

У Верховного Старейшины было много табу. Те, кто ему служил, избегали упоминания слов вроде «смерть», «кончина», «траур» или «недолговечный», боясь оскорбить его чувства.

Единственное исключение произошло в день кончины Меч-Владыки. Посланник, в панике и спешке, ворвался в долину и выпалил: «Почтенный Даос, небеса изменились. Меч-Владыка пал».

Все присутствующие были в ужасе, уверенные, что посланник не избежит наказания. К их удивлению, из-за занавеса раздался спокойный и хриплый голос: «Я уже знаю. Можешь идти».

Даосским титулом Верховного Старейшины был Тай Хэн. За свои 560 лет жизни он был свидетелем бесчисленных взлётов и падений среди культиваторов и пережил так много великих фигур, что их число превосходило всякое воображение.

Много раз переживание других означает самореализацию.

Никто не знал, сколько ещё лет осталось Почтенному Даосу Тай Хэну, и был ли у него шанс достичь дальнейших прорывов.

Цзи Сяо часто шутил, что тот «слишком стар, чтобы умереть», но только Цзи Сяо — или нынешний Ху Сы — осмеливался говорить такие вещи. Все остальные в Хань Шань, и даже практики из других сект, сохраняли глубокое уважение к такому могущественному и долгоживущему человеку, как Тай Хэн, чья огромная сила делала его внушающей благоговейный трепет фигурой.

В тусклом и тихом зале горели негасимые лампы, их пламя слабо мерцало.

Чжоу И стоял за тяжёлым занавесом, кланяясь, и докладывал о каждой детали информации из города Ханьмэнь и «Хэнтон Цзюйюань».

Некоторое время единственным звуком было мерное капанье водяных часов, эхом отдававшееся в зале. Тишина вокруг него казалась удушающей. Чжоу И, чувствуя нарастающее беспокойство, лихорадочно перебирал в уме, не сказал ли он что-то не так. Спешно он добавил:

«Эти двое — Мэн Сюэли и Сяо Тинъюнь — не более чем незначительные муравьи на стадии Очищения Ци. Естественно, они недостойны внимания Почтенного Даоса. Но Цянь Юйчжи — человек коварный и бесстыдный. Он неоднократно отвергал добрую волю моей семьи Чжоу, а сегодня сговаривается с этими двумя. Я осмелился предположить, что в этом может быть что-то подозрительное, поэтому и доложил вам».

Чжоу И прекрасно знал о неприязни Почтенного Даоса Тай Хэна к Цянь Юйчжи.

Решение Цянь Юйчжи отказаться от искусства меча и заняться бизнесом, разорвав связи с Хань Шань, считалось позором для секты. По приказу Почтенного Даоса Тай Хэна всей семье Чжоу у реки Хуай было запрещено торговать с Цянь Юйчжи, чтобы он не заработал от них ни единой монеты.

Однако за десятилетия «Хэнтон Цзюйюань» вырос в успешное предприятие с филиалами повсюду, известное тем, что предлагает качественные товары по справедливым ценам. Этот запрет постепенно стал игнорироваться, намеренно или непреднамеренно.

Тем не менее, презрение Верховного Старейшины к Цянь Юйчжи только углублялось.

По правде говоря, эта неприязнь казалась иррациональной. В конце концов, Цянь Юйчжи не был ни учеником, ни потомком Тай Хэна, но Тай Хэн относился к нему так, словно это было так.

Всегда есть люди, которые, старея, не выносят, когда молодёжь живёт в достатке. Они считают, что молодое поколение должно претерпевать невзгоды — предпочтительно более

суровые, чем те, с которыми они сами столкнулись, когда культивировали искусство меча. Только тогда такое страдание будет считаться «нормальным».

Если кто-то избегал этой предписанной борьбы и всё равно жил хорошо, это должно быть ненормально — что-то определённо было не так.

После смерти Цзи Сяо на Пике Чанчунь осталась только его вдова. Фракция, лояльная Верховному Старейшине в Хань Шань, утверждала, что ежегодная трата 30 000 высококачественных духовных камней на поддержку «бесплезного» Мэн Сюэли была возмутительной тратой ресурсов. Глава секты и пять мастеров пиков не согласились, настаивая на том, что, поскольку Мэн Сюэли был Дао-компаньоном Цзи Сяо, эта поддержка была его законным правом.

Таким образом, Тай Хэн Даоцзунь отправил своего главного ученика тайно договориться с Цянь Юйчжи, который управлял личной казной Цзи Сяо.

Чжоу И думал, что эта задача будет беспроблемной. Сила определяет авторитет, считал он. Цзи Сяо был сильнейшим, поэтому он заслужил лучшее из всего, и Хань Шань действовала согласно его воле. Теперь, когда Цзи Сяо мёртв, разве не очевидно, кому должен подчиняться Хань Шань?

Однако разговор с Цянь Юйчжи оказался крайне неприятным.

Когда Чжоу И прибыл в «Хэнтон Цзююань», управляющий пригласил его наверх. Цянь Юйчжи приказал подать чай и воду, его манеры были вежливыми и учтивыми.

Чжоу И предоставил Цянь Юйчжи два прямых выбора: либо передать личную казну Цзи Сяо в общественную казну Хань Шань, либо позволить семье Чжоу у Хуай Шуй взять на себя половину бизнеса, оставив другую половину для личного пользования Цянь Юйчжи. Мудрый человек выбрал бы второй вариант. Однако Цянь Юйчжи не выбрал ни один из них. Хотя на его лице была вежливая улыбка, его слова были непроницаемы.

Терпение Чжоу И начало иссякать. «Это приказ от Почтенного Даоса Тай Хэна. Ты смеешь ослушаться?»

Цянь Юйчжи постучал своим складным веером по столу и сказал: «Старший Брат Чжоу, не дави на меня именем Почтенного Даоса. Я больше не культиватор меча. Бизнесмены ценят прибыль, а не мораль. Если бы Меч-Владыка предложил мне пятьдесят процентов прибыли, я бы, естественно, работал на него».

Выражение лица Чжоу И стало ледяным. «Меч-Владыка пал. Мудрый человек приспособляется ко времени. Разве ты этого не понимаешь?»

Цянь Юйчжи безразлично улыбнулся. «Меч-Владыка, возможно, ушёл, но его Дао-компаньон всё ещё здесь, и Пик Чанчунь всё ещё стоит. Все знают, что супружеская пара — это одно целое».

«Что, если его Дао-компаньона тоже не станет? К тому времени, если ты захочешь найти нового покровителя, будет уже слишком поздно!»

Цянь Юйчжи усмехнулся и покачал головой, затем с резким щелчком раскрыл свой складной веер. Четыре жирных чёрных иероглифа были написаны на веере: «Не твоё дело».

Лицо Чжоу И потемнело, и он резко встал. «Ты наглец!»

Всё ещё размахивая веером со словами «Не твоё дело», Цянь Юйчжи понизил голос и сказал:

«Хотя моё культивирование оставляет желать лучшего, я не тот, кем можно легко манипулировать. Во всех моих магазинах, банках и ломбардах по всему смертному миру я оставил лампы душ. Управляющие и менеджеры запомнили мои инструкции. Если одна из моих ламп души погаснет, они немедленно откроют шёлковые мешочки, которые я оставил, и будут действовать согласно приказам внутри».

«Если я умру, не пройдёт и получаса, как весь смертный мир — и даже три мира — узнают, почему. Они услышат, что Почтенный Даос Тай Хэн возжелал казну Меч-Владыки, убил меня ради прибыли и преследовал младшее поколение. Не веришь мне? Попробуй».

Прежде чем Чжоу И успел ответить, Цянь Юйчжи повысил голос и крикнул: «Кто-нибудь! Проводите нашего уважаемого гостя!»

Услышав это, Чжоу И напряг свой ум. Он насильно проглотил свой гнев и вернулся в Цзинсы Хань Шань, чтобы доложить Почтенному Даосу Тай Хэну.

С культивированием Почтенного Даоса Тай Хэна убить Цянь Юйчжи не было невозможным. Однако некоторые люди причиняли больше проблем в смерти, чем когда-либо при жизни.

Цянь Юйчжи вложил значительные усилия в свой бизнес. Его торговые пути охватывали смертный мир, бесшовно соединяя мир культиваторов и светский мир. Его сеть общения, как явная, так и скрытая, была обширной и замысловатой.

Чтобы быть таким дерзким, он должен был иметь грозные приготовления и значительные рычаги влияния.

Более того, его менеджеры были яростно преданы. В то время как Цянь Юйчжи можно было убить, можно ли одновременно устранить тысячи, даже десятки тысяч, людей?

К тому же, Почтенный Даос Тай Хэн не хотел, чтобы Цянь Юйчжи умер, он хотел, чтобы Цянь Юйчжи служил ему.

Через некоторое время хриплый, старческий голос из-за занавеса, наконец, произнёс:

«Как ты думаешь, зачем эти двое ходили к Цянь Юйчжи?»

Чжоу И осторожно ответил: «Это может быть связано с предстоящей поездкой Мэн Сюэли в Тайное Царство Ханьхай».

Мэн Сюэли был незначительной фигурой, но после публичного нанесения увечий Чжоу У на Платформе Тренировки Меча и принятия Сяо Тинъюня, обладателя врождённого тела меча, в ученики, ситуация становилась всё более и более странной.

Голос из-за занавеса спросил снова: «Как ты думаешь, почему наш клан продержался так долго?»

Чжоу И ответил: «Потому что вы стоите непоколебимо, как солнце высоко в небесах. Хотя солнце может иногда быть заслонено облаками, оно никогда не падает».

«Нет! Это потому, что мы никогда не недооцениваем скрытые опасности, какими бы незначительными, как муравьи, они ни казались».

Чжоу И быстро сказал: «Ученик понимает!»

Голос за занавесом стал глубже: «Это их объявление войны мне».

Под «ними» он имел в виду Главу Секты и лидеров пиков. Среди внутренних учеников Хань Шань напряжённость между двумя фракциями неуклонно росла.

Конфликт возник не за один день. Решение Главы Секты сурово наказать трёх человек в Дисциплинарном Зале было лишь искрой.

Намерение Главы Секты состояло в том, чтобы способствовать единству внутри секты. Однако в чувствительный период после недавней кончины Цзи Сяо каждое действие по-разному интерпретировалось противоборствующей фракцией. Внезапный рост известности Мэн Сюэли и Сяо Тинъюня в это время заставил их выглядеть пешками Главы Секты, посланными для проверки обстановки.

Старейшина за занавесом сказал: «Этот Мэн Сюэли... Я не думаю, что он прост. Нам нужно действовать заранее».

Чжоу И ответил: «Ученик понимает. В Тайном Царстве Ханьхай, помимо организации того, чтобы кто-то обеспечил победу, мы также воспользуемся возможностью, чтобы разобраться с ним».

Весь клан тщательно подготовился к предстоящему соревнованию в тайном царстве.

Голос за занавесом слегка смягчился. «Можешь идти».

Что же именно было внутри нефритовой коробки?

Неудивительно, что слова Цянь Юйчжи были двусмысленными. Как культиватор его уровня, его духовные ощущения были достаточно сильны, чтобы слабо воспринимать содержимое, не открывая коробку. Он мог сказать, что она содержала длинный цилиндрический предмет. Но, не зная, что Мэн Сюэли и Цзи Сяо были всего лишь номинальными Дао-компаньонами, он, естественно, неправильно понял.

Перед расставанием Цянь Юйчжи вручил Мэн Сюэли нефритовый жетон, украшенный облачным узором. С этим жетоном Мэн Сюэли мог получить доступ к любому бизнесу Меч-Владыки в смертном мире, отмеченному эмблемой облака в правом нижнем углу их вывесок. Он мог снимать духовные камни, магические артефакты, пилюли и многое другое по своему усмотрению.

Покинув «Хэнтон Цзюйюань», Мэн Сюэли немедленно передал жетон Цзи Сяо — он был не из тех, кто ведёт себя как семейный старейшина, управляющий деньгами в красном конверте своего ребёнка.

Цзи Сяо не мог не улыбнуться криво. Настолько ли его молодой Дао-компаньон доверял своему ученику? Так небрежно доверяя такое большое состояние? К счастью, этим учеником был он сам.

Возвращаясь на пик, Мэн Сюэли был поглощен мыслями о подарке и не заметил странного взгляда, которым его одарил ученик.

В тот вечер ветерок на Пике Чанчунь казался особенно тёплым, неся сладкий аромат цветов Зверобоя, подумал Мэн Сюэли.

Он и его старший ученик жили по соседству. Наблюдая, как его ученик покорно несёт нефритовую коробку всю дорогу обратно, Мэн Сюэли почувствовал глубокое удовлетворение.

Цзи Сяо протянул ему коробку. «Отдыхай пораньше».

Мэн Сюэли остановил его, сказав: «Мы семья. Не нужно избегать друг друга. Давай посмотрим вместе».

В конце концов, это то, что оставил твой отец — нет причин, по которым ты не мог бы это увидеть.

Мэн Сюэли торжественно открыл коробку, тая в себе скрытое предвкушение, о котором сам не подозревал.

Затем он вытащил...

Железный прут?

Мэн Сюэли ошеломлённо уставился, держа в руках железный прут. «А?»

«Кхе, кхе, кхе!» Цзи Сяо быстро забрал у него прут. «Его не так используют. Смотри, дай я тебе покажу».

Примечание Автора:

Всем, кто гадал о невыразимых вещах — идите отрабатывать в угол! А кто угадал мех норки? Вы что, дьяволы? Гадать про лабиринт для хорька-питомца так мило, однако!

Мэн Сюэли, как ты думаешь, почему у всех разыгралось воображение?

Мэн Сюэли: ...Потому что глупый автор написал глупую историю.

Цзюань Чжи: Ты тоже глупый хорёк, будь паинькой.

<http://bllate.org/book/12813/1130411>